

БАРАШ Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; raisabarash@gmail.com)

ДЕБАТЫ О МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЕ В ГЛОБАЛЬНУЮ ЭПОХУ. АКАДЕМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ.

Часть 2¹

Аннотация. Обращаясь к обзору ключевых работ по тематике мультикультурализма, автор обозначает наиболее актуальные направления академического обсуждения проблемы. Автор исследует современные работы, посвященные проблеме мультикультурализма, и подробно изучает те из них, что сосредоточены на поиске адекватных оснований культурной политики и межкультурной коммуникации, посвящены вопросам интеграционной политики и режимов государственного благоприятствования, правового и политического статуса поликультурных групп и формата обозначения ими своих различий. В фокусе особого внимания автора работы, позволяющие составить представление о существующих сегодня «школах мультикультурализма», специфике их методологии и теоретико-методологическом аппарате.

Ключевые слова: мультикультурализм, интеркультурализм, права меньшинств, интеграция, национальная политика

Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук (ФНИСЦ РАН). Проект «Российское общество середины 2020-х гг.: символы прошлого, ценности настоящего, ожидания от будущего».

Говоря о либеральной и консервативной версиях мультикультурализма, М. Глостанова поясняет, что если первая стремится к сохранению разнообразия культурных групп и созданию условий для их сосуществования, равенства прав и свобод, то вторая ограничивается номинальными усилиями по созданию условий для межкультурного диалога, предельно ограничивая возможность административной и политической самоорганизации различных культурных традиций [Глостанова 2000: 358].

И. Блумрад полагает, что категория мультикультурализма чаще используется для описания иммиграционной политики, демографических и социальных изменений, происходящих из необходимости интеграции иммигрантов и их потомков в принимающее сообщество, а не для объяснения обстоятельств жизни автохтонных меньшинств. Это демографический мультикультурализм как «язык» описания многосоставности населения страны или региона, а не

¹ Настоящая публикация является продолжением статьи Бараш Р.Э. 2022. Дискуссии о мультикультурализме. Академический контекст. Часть 1. – *Власть*. Т. 30. № 6. С. 88–97. DOI 10.31171/vlast.v30i6.9358.

политическая философия, лежащая в основе стратегии государственной политики [Bloemgaard 2011]. Но основанием социального многообразия является соответствующая политико-философская мультикультурная парадигма, базирующаяся на принципах классического либерализма как равного положения в обществе носителей культурного, религиозного или этнического своеобразия.

Помимо демографической и философской интерпретации мультикультурализма как «языка» описания социального многообразия, существует и политико-практическое его понимание – как алгоритма межкультурного взаимодействия [Куропятник 2000]. Дж. Берри, Р. Калин и Д. Тейлор формулируют идею тройственности смысла категории мультикультурализма как констатацию факта культурного разнообразия общества, идеологии взаимного признания, толерантности и терпимости, а также системы административно-политических мер и нормативно-правовых принципов, регулирующих культурное многообразие общества [Berry, Kalin, Taylor 1977].

Так что мультикультурализм одновременно и описывает сложности существования культурно многообразных сообществ, и предписывает им реализацию стратегии мирного сосуществования. Однако К. Ховарт и Э. Андреули обращают внимание на внутреннюю противоречивость смыслов мультикультурализма: его критика как провалившегося либерального проекта сосуществует с популярностью мультикультуралистского академического дискурса, провозглашающего культурное равенство, интеграцию и конструктивное взаимодействие между культурными группами [Howarth, Andreouli 2010]. Пытаясь преодолеть внутреннее противоречие категории мультикультурализма, Э. Шохат и Р. Стэм предлагают исходить из позиции, что любые широкие обобщения присущие мультикультурализму черт некорректны, поскольку сегодня более корректно говорить о неомарксистском постмодернизме как некоторой парадигме, центральном коде, сочетающем несколько околочультикультуралистских дискурсов, производящихся в различающихся и изменяющихся обстоятельствах [Shohat, Stam 2005: 295-296].

Мультикультурализм по-разному трактуется и в национальных контекстах: в Канаде и Австралии он обозначает стратегию расширения возможностей представительства коренных народов и меньшинств; в Южной Америке – культурное самоопределение коренных народов; в Центральной Европе – национальную и миграционную политику, выстроенную в т.ч. с учетом колониального прошлого стран региона и специально ориентированную на иммигрантские религиозные меньшинства [Lægaard 2014]; в Восточной Европе – этнокультурное самоопределение коренных этнонациональных групп.

В Великобритании, как пишет Б. Парех, мультикультурализм логически продолжил политику выстраивания многокультурной британской нации как межкультурного взаимодействия «сообщества сообществ» [Parekh 2006]. Американский мультикультурализм, резюмирует К. Йоппке, связан с антидискриминационной борьбой за всеобщие гражданские права и с возможностями свободного самоопределения [Йорпке 2004]. Американская модель многообразия утвердилась благодаря последовательной борьбе граждан за свободу самоопределения и многообразия как в частной жизни, так и в области политического представительства. Несмотря на неоднозначный европейский опыт, в США мультикультуралистская политика остается одним из важнейших компонентов государственной идеологии, поддерживающей самоопределение самых разных групп – этнокультурных, политических, религиозных, ЛГБТ и т.д. – в борьбе не только за свои права, но и за справедливое распределение материальных, финансовых, властных и иных ресурсов в обществе.

У. Кимлика пишет, что человеческие сообщества всегда отличались многообразием, так что поиск стратегии управления не нов. Однако мультикультурализм как политика управления различием основывается на своеобразных основаниях общественной неоднородности, и к «традиционным» видам социального неравенства – имущественному, социальному, расовому – добавляются новые основания социального различия – культурное, правовое, политическое [Kumlicka 2012]. Кроме того, мультикультурализм защищает различия не глобально, но контекстуально, в специфических ситуациях, когда то или иное культурное различие становится поводом для дискриминации.

Неслучайно оформление мультикультурализма в качестве государственной политики произошло после Второй мировой войны вместе с утверждением идеи социального многообразия и противодействия любым формам дискриминации, когда одним из наиболее активных участников движения социально-политической самоорганизации стали «новые социальные движения» [Melucci 1996], неформальные неструктурированные объединения единомышленников, защищающие самый широкий спектр оснований для самоопределения (экология, гендер, права человека, идентичность) [Rex 1996]. Категория «различие» в мультикультурализме понимается через противопоставление гомогенности, а гомогенность интерпретируется как поддержание комплекса неравных отношений [Phillips 1995]. Мультикультурализм в качестве производного от традиции постмодерна, где культура понимается как социальный конструкт, а культурные атрибуты – как результаты социального консенсуса, касается сложных вопросов обоснованности прав на самоопределение и возможных вариантов проявления своеобразия, а также проблемы непрерывного усложнения своеобразия в рамках единой национальной коммуникации и определения фундаментальных оснований социальной гармонии – свободы, равенства, самоопределения.

В частности, сложными оказываются отношения между мультикультурализмом и феминизмом. Э. Коломбо пишет, что феминизм и постмодернизм сыграли несомненную роль в утверждении мультикультурализма, противодействуя традиционной социальной иерархии доминирования белых мужчин [Colombo 2015], но С.М. Окин указывает на очевидные противоречия между мультикультурализмом и феминизмом, поскольку далеко не все культурные традиции признают гендерное равноправие и толерантны к эмансипации женщин [Okin 1999]. Нередко сами женщины из принимаемых сообществ не разделяют феминистские установки, гармонично ощущают себя в собственной культуре и хотят сохранить собственное культурное своеобразие, понимая свободу не так, как европейки и американки [Mahmod 2016].

Стремясь разрешить противоречие между задачами сохранения культурного своеобразия и противодействия культурной автономизации [Brubaker 2001], некоторые исследователи предлагают адресовать политику мультикультурализма только территориально организованным (как их называет У. Кимлика) или произвольным (как их определяет А.М. Янг [Young 1991]) группам. Янг условно разделяет все социальные группы на произвольные и произвольные, относя к первым те, что возникают вследствие сознательного выбора их участников (это, например, клубы, корпорации, церковь или профсоюз). Произвольные группы, по мнению А.М. Янга, имеют «особое чувство истории», «понимание социальной структуры», яркое ощущение собственной дискриминируемости, тогда как произвольные группы отличаются «вброшенностью» в них их представителей, которые «вдруг обнаруживают себя» частью группы. Янг считает «адресатом» политики мультикультурализма именно произволь-

ные группы, например, землячества и диаспоры, чьи участники оказываются включенными в них не инициативно, но ввиду обстоятельств.

Однако предложенная А.М. Янг логика определения адресатов политики мультикультурализма позволяет отнести к таковым практически неограниченное число произвольных, а значит потенциально притесняемых групп. Кроме того, сложно говорить о наличии у представителей произвольных групп стабильной коллективной идентичности, поскольку даже индивидуальная этническая и конфессиональная идентичность отнюдь не связана с их желанием поддерживать тесную связь друг с другом. Произвольность групп, случайность их возникновения не влечет дискриминируемости их представителей, даже если это национальные или конфессиональные меньшинства. А многие меньшинства находятся в привилегированном положении – например, этнические элиты, правящие семейные династии, доминирующие кланы или наследные аристократии.

В свою очередь, У. Кимлика предлагает адресовать политику мультикультурализма лишь территориально организованным культурам (прежде всего коренным национальным меньшинствам) и иммигрантам. Их успешная интеграция является основанием многонациональных (как в США) и полиэтнических, как в Канаде, государств, где, кроме многочисленных новоприбывших, есть и коренные жители, многие из которых требуют особого политического представительства [Kymlicka 1995].

Адресатом политики мультикультурализма в интерпретации У. Кимлики, таким образом, являются этнонациональные группы, тогда как конфессиональные, сексуальные, гендерные и контркультурные группы не попадают в фокус его внимания. Сузив значение понятия «группа» до этнонационального, У. Кимлика пытается ограничить спектр мероприятий мультикультурализма, но зачастую многие представители национальных меньшинств слишком хорошо образованны, социально адаптированы и интегрированы в общество, чтобы ощущать себя «выброшенными» в группу. Кроме того, члены группы у Кимлики имеют право выхода из группы, однако на практике этнические группы не всегда оставляют индивидам возможность выбора или, напротив, безразличны к вопросам культурной идентичности и солидарности.

Рассуждая о базовых основаниях межкультурного диалога и устройстве мультикультурных сообществ, К. Йопке пишет, что в основании политики принятия различий должны находиться либеральные принципы и задача сохранения солидарности между гражданами, а поддержаны должны быть индивидуальные, а не групповые особенности [Joppke 2008]. Государству следует поощрять общее и универсальное, а не то, что вызывает разногласия, чтобы меньшинства перенимали базовые принципы образа жизни большинства, его язык и частично культуру, интегрировались в государственные институты и активно участвовали в общественной жизни. Государственная политика должна продвигать ценности индивидуальной свободы и демократии, поскольку эффективная интеграция требует подлинной готовности принять основные принципы жизни западных обществ. Залогом успешной политики признания различий, как пишет К. Йопке, должна стать реализация стратегии социальной сплоченности или «гражданской интеграции», основанной на сочетании мер экономического и политического включения инокультурных групп и усилий принимаемых сообществ по усвоению истории принимающей страны, языка, культуры, а также однозначное одобрение ими либеральных ценностей [Joppke 2007]. Интеграция должна быть обоюдным процессом, предполагающим если

не отказ интегрирующихся групп от своей культуры, то серьезную апроприацию ими культуры принимающего сообщества.

Дж. Б. Берри описывает четыре основных направления межкультурного взаимодействия: интеграцию, ассимиляцию, отделение и маргинализацию, сложившихся под влиянием, с одной стороны, необходимости включения в политическое сообщество и взаимодействие с другими этнокультурными группами, а с другой – желанием сохранить собственную культуру. В зависимости от того, какое из этих направлений преобладает, формируются четыре стратегии взаимодействия с различием: мультикультурализм, «плавильный котел», сегрегация и изоляция [Berry 2011]. И в этом случае стратегия мультикультурализма как воплощение вектора интеграции предполагает сочетание, с одной стороны, намерений интегрируемых меньшинств сохранить собственную культуру, а с другой – их готовности полноценно коммуницировать с представителями и принимающего сообщества и локальных групп внутри него. Б. Берри подчеркивает, что мультикультурализм как сочетание собственного своеобразия и полноценного участия в национальной коммуникации является серьезным культурным и психологическим основанием для укрепления позитивных межкультурных отношений. Близость к другой культуре, сопричастность повседневности ее носителей вместе с ощущением удовлетворенности от следования собственной культуре порождает не только толерантность, но и двойную культурную компетентность.

Отдельное внимание современных исследователей посвящено последовательному переопределению ключевых характеристик мультикультурализма. Так, Т. Модуд обращает внимание на растущий интерес современных многокомпонентных государств (Россия, Великобритания, США, Индия, ЮАР и Перу) к укреплению собственной государственности. Продолжается не только культурное усложнение наций, но и поиск адекватных оснований гражданского диалога. Для описания идеологии, признающей важность этнонациональной и культурной составляющих гражданской идентичности и одновременно толерантной к индивидуальному своеобразию, Модуд предлагает использовать категорию мультикультурного национализма [Modood 2019]. Таким образом, мультикультурный национализм объединяет интересы и тех, кто симпатизирует монокультурному национализму большинства, и тех, кто выступает за разнообразие и приспособление большинства к меньшинствам, так что скорее всего мультикультурный национализм составит реальную альтернативу монокультурному национализму.

Рассматривая мультикультурализм как стратегию решения проблемы управления культурным многообразием, Ч. Кукатас выделяет «мягкий» и «жесткий» мультикультурализм. «Мягкий» мультикультурализм предполагает добровольную ассимиляцию мигрантов, тогда как при проведении политики «жесткого» мультикультурализма принимающее общество ориентировано на создание условий для полноценного участия представителей инокультурных сообществ в общественно-политической коммуникации при сохранении собственной культурной традиции. Ч. Кукатас полагает, что европейский мультикультурализм, толерантный даже к нелиберальному своеобразию, выстроен на базе классического либерализма, тогда как «современный» либерализм фундирует «жесткий» мультикультурализм. Хотя «жесткий» мультикультурализм на первый взгляд кажется политикой «позитивной» дискриминации, лишь сильнее закрепляющей «несимметричность» отношений субъекта и объекта толерантности, как свидетельствует канадский и американский опыт (к адептам такого мультикультурализма Ч. Кукатас относит канадского исследователя

У. Кимлику), политика учета любых различий работает, только когда группы, претендующие на признание, соблюдают условия общественного договора. А европейская версия скорее выстраивалась в логике благожелательного невмешательства в жизнь меньшинств [Кукатас 2007].

О.О. Медведева замечает, что успешность реализации политики мультикультурализма зависит от того, насколько органично сосуществуют в рамках единого государства различные формы самоидентификации. Так что толерантность выступает базовым принципом межкультурной коммуникации [Медведева 2009: 69]. Базовое представление о толерантности как ключевом принципе мультикультурализма сталкивается с двумя сложностями: должным и допустимым отношением толерантного общества к недружественным или даже деструктивным для себя элементам. Отвечая на вопрос о границах толерантности, Б. Бэрри предлагает либеральному государству твердо стоять на позициях защиты либеральных ценностей, вплоть до нелиберального вторжения в частную жизнь [Barry 2001]. Однако опора на либеральную парадигму при выстраивании межкультурной коммуникации малоприменима в многосоставных сообществах Европы, поскольку определение культурного ядра европейских наций неочевидно, а за либеральной вывеской не сокрыты предпочтения в отношении именно европейского образа жизни. Кроме того, абстрактный либерализм привлекает далеко не всех «участников» европейских сообществ.

Рассуждая о возможностях современных обществ сделать выбор между либеральными и традиционными национальными ценностями, Дж.Б. Леви выделяет три школы мультикультурализма: австралийскую, британскую и американскую [Levey 2019]. Австралийский мультикультурализм сочетает стремление к следованию и либеральным, и национальным ценностям. Бристольский, или британский мультикультурализм склоняется скорее к защите национальной традиции, чем к защите либеральных идей. Либеральный, или американский мультикультурализм отдает приоритет защите либеральных, а не национальных ценностей.

Предложенную типологию Дж.Б. Леви иллюстрирует описанием региональной специфики реализации политики мультикультурализма. Как государственная стратегия мультикультурализм дебютировал в Канаде и Австралии в начале 1970-х гг. в формате правительственных инициатив. В Австралии государственная политика мультикультурализма реализовывалась при активном участии лидеров этнических общин и иммигрантов-интеллектуалов. Несмотря на некоторое сходство обстоятельств реализации политики и представленности в обществе особенной группы, требовавшей защиты (жители провинции Квебек в Канаде и коренные народы в Австралии), а также в значительной степени иммигрантский характер обоих политических сообществ, Канада и Австралия приняли мультикультурализм по разным причинам. Канада – как стратегию для успокоения напористого Квебека и сохранения целостности канадского государства, Австралия – для того, чтобы и иммигранты, и коренные австралийцы могли «найти почетное место» в своем государстве, как выразился премьер-министр Г. Уитлам (1975). Это означало борьбу с дискриминацией и реконструкцию укоренившихся привилегий доминирующего англо-австралийского большинства. Так что ключевое значение для австралийского мультикультурализма возымело антидискриминационное законодательство и обеспечение прав граждан. В конечном итоге, политика мультикультурализма была сформулирована в Австралии для более эффективной реализации принципов индивидуальной свободы, равенства и

терпимости, а также эффективного использования культурного разнообразного населения.

В отличие от государственного мультикультурализма Канады и Австралии, в США мультикультурализм развивался как борьба афроамериканцев за гражданские права. Не будучи официальной государственной политикой, американский мультикультурализм был, однако, важной частью образовательной стратегии, особенно в университетах. В Великобритании мультикультурализм вырос из местного движения за расовое равенство 1960-х гг. и движения самоопределения меньшинств 1970-х гг., но в 1980–1990-е гг., особенно после ситуации, связанной с публикацией «сатанинских стихов», британский мультикультурализм сложился как политика, *ad hoc* ориентированная на реагирование на частные конфликтные случаи. На британский мультикультурализм повлияло и культурное разнообразие населения страны: многие новые граждане переехали в Британию из бывших колоний – Пакистана, Индии, Бангладеш и стран Карибского бассейна, откликнувшись на призыв британского руководства помочь в послевоенном восстановлении страны. Одновременно Великобритания сталкивается с необходимостью сочетать интересы и требования политического представительства Шотландии, Северной Ирландии, Уэльса и Англии. В последние десятилетия интенсифицировался процесс делегирования части властных полномочий Шотландии, Уэльсу и Северной Ирландии в ответ на их стремление более ярко продемонстрировать собственную национально-культурную самобытность и активнее участвовать в принятии политических решений. Англия же, длительное время играя ключевую роль в определении сути имперской и постимперской британской идентичности, столкнулась с необходимостью определить суть британскости.

Комментируя работу Дж.Б. Леви, У. Кимлика отмечает, что обозначенные школы мультикультурализма, понимаемые как аналитические конструкты, действительно серьезно различаются концептуальными основаниями [Kumlicka 2019]. Однако Кимлика пишет, что в реальности сложно причислить исследователей к одной из трех школ, поскольку сторонников мультикультурализма в принципе отличает широкая приверженность либеральным идеям. Однако западные либерально-демократические государства не являются и не могут быть этнокультурно нейтральными и в реальности склонны отдавать предпочтение языку, истории, календарю и концепции общественной культуры большинства населения страны. Культурная предвзятость может быть скрыта за государственным декларированием следования основным либеральным ценностям: беспристрастности к расе (*colour-blindness*), приверженности идеям гражданского равенства, секулярности, гражданского национализма и конституционного патриотизма. Однако на практике либеральные ценности нередко интерпретируются выборочно, претензии меньшинств понимаются как завышенные, а требования большинства – как универсальные и нормальные. У. Кимлика пишет, что единственной верной стратегией противодействия предвзятости в требованиях меньшинств является не отвержение основных либеральных ценностей, а их беспристрастное переосмысление. Какие конкретные политические меры для этого потребуются, будет зависеть от истории каждого общества и от особенностей групп меньшинств. В некоторых странах меньшинства могут быть наделены особыми языковыми правами, автономией или территориями. В других странах меньшинства могут потребовать дополнительного финансирования, политических прав и институционализации форм своего представительства. Поэтому нужно научиться жить с «изменяющейся геометрией» мультикульту-

турного гражданства, в котором разные группы и личности будут взаимодействовать с государством.

Таким образом, актуализированный в гуманитарном дискурсе концепт мультикультурализма содержит в себе целый ряд противоречий интерпретационного характера. И возможность практического воплощения мультикультуралистской стратегии, очевидно, зависит от успешности прояснения основных смыслов «языка мультикультурализма».

Список литературы

Кукатас Ч. 2007. Теоретические основы мультикультурализма. — *Polit.ru*. Доступ: <https://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/> (проверено 10.09.2023).

Куропятник А.И. 2000. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ. — *Журнал социологии и социальной антропологии*. № 3(2). С. 53-66.

Медведева О.О. 2009. Дискуссия о мультикультурализме и актуальные проблемы социальной политики государства. — *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. № 19. С. 68-74.

Тлостанова М.В. 2000. *Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века*. М. Изд-во ИМЛИ РАН, Наследие. 400 с.

Barry B. 2001. *Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism*. Cambridge: Polity Press. 416 p.

Berry J.W. 2011. Integration and Multiculturalism: Ways towards Social Solidarity. — *Papers on Social Representations*. Vol. 20. No. 1. P. 1-21.

Berry J.W., Kalin R., Taylor D. 1977. *Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada*. Ottawa. Ministry of Supply and Services.

Bloemraad I. 2011. The Debate over Multiculturalism: Philosophy, Politics, and Policy. 2011. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/debate-over-multiculturalism-philosophy-politics-and-policy> (accessed 27.08.2023).

Brubaker R. 2001. The Return of Assimilation? Changing Perspectives on Immigration and Its Sequels in France, Germany, and the United States. — *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 24. No. 4. P. 531-548.

Colombo E. 2015. Multiculturalisms: An Overview of Multicultural Debates in Western Societies. — *Current Sociology*. Vol. 63. No. 6. P. 800-824.

Howarth C., Andreouli E. 2010. Has Multiculturalism Failed? The Importance of Lay Knowledge and Everyday Practice. URL: <https://ercbgd.org.rs/images/stories/multi-kulti-biblioteka/HOWARTH%20&%20ANDREOULIHAS%20MULTICULTURALISM%20FAILED.pdf> (accessed 27.08.2023).

Joppke C. 2004. The Retreat of Multiculturalism in the Liberal State: Theory and Policy. — *British Journal of Sociology*. Vol. 55. No. 2. P. 237-257.

Joppke C. 2007. Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe. — *West European Politics*. Vol. 30. No. 1. P. 1-22.

Joppke C. 2008. Immigration and the Identity of Citizenship: the Paradox of Universalism. — *Citizenship Studies*. Vol. 12. No. 6. P. 533-546.

Kymlicka W. 1995. *The Rights of Minority Cultures*. Oxford: Oxford University Press. 387 p.

Kymlicka W. 2012. *Multiculturalism: Success, Failure, and the Future*. Washington, DC: Migration Policy Institute. 37 p.

Kymlicka W. 2019. Deschooling Multiculturalism. — *Ethnicities*. Vol. 9. No. 6. P. 971-982.

Lægaard S. 2014. Euro-Multiculturalism and Toleration. — *Journal of East-West Thought*. Vol. 4. No. 4. P. 37-52.

- Levey G.B. 2019. The Bristol School of Multiculturalism. – *Ethnicities*. Vol. 9. No. 1. P. 200–226.
- Mahmod J. 2016. Multiculturalism Debates, Policies, and Concepts. – *Kurdish Diaspora Online*. The Palgrave Macmillan Series in International Political Communication. N.Y.: Palgrave Macmillan. P. 19–36.
- Melucci A. 1996. *Challenging Codes. Collective Action in the Information Age*. Cambridge: Cambridge University Press. 441 p.
- Modood T. 2019. A Multicultural Nationalism? – *Brown Journal of World Affairs*. Vol. 25. No. 2. P. 233–246.
- Okin S.M. 1999. Is Multiculturalism Bad for Women? – *Is Multiculturalism Bad for Women?* (ed. by J. Cohen, M. Howard, M. Nussbaum). Princeton: Princeton University Press. P. 7–24.
- Parekh B.C. 2006. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. N.Y.: Palgrave. 195 p.
- Phillips A. 1995. Democracy and Difference: Some Problems for Feminist Theory. – *The Rights of Minority Cultures* (ed. by W. Kymlicka). Oxford: Oxford University Press. P. 288–302.
- Rex J. 1996. *Ethnic Minorities in the Modern Nation State*. Houndmills: MacMillan. 268 p.
- Shohat E., Stam R. 2005. Traveling Multiculturalism: A Debate in Translation. – *Postcolonial Studies and Beyond* (ed. by A. Loomba, S. Kaul, M. Bunzel, A. Burton, J. Esty). Durham; London: Duke University Press. P. 293–316.
- Young I.M. 1991. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton: University of Princeton Press. 304 p.

BARASH Raisa Eduardovna, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Leading Researcher of the Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; raisabarash@gmail.com)

DISCUSSIONS ON MULTICULTURALISM IN THE GLOBAL ERA. AN ACADEMIC CONTEXT

Part 2

Abstract. Reviewing the key papers, devoted to the multiculturalism theme, the author identifies the most relevant contexts of the problem's academic study. The author explores contemporary papers, devoted to the problem of multiculturalism, and studies in details both those ones that focus on finding adequate foundations for cultural policy and intercultural communication, as those papers, that are devoted to issues of integration policy and state-favored regimes, the legal and political status of multicultural groups and the format of their differences' designation.

The author's special attention is focused on the papers that clear the today's «multiculturalism's schools», the specifics of their methodology, as well as the theoretical and methodological apparatus.

Keywords: multiculturalism, interculturalism, minority rights, integration, national policy

---